

Ремус проснулся и увидел, что над ним нависло знакомое лицо и пристально смотрит на него. "Почему вы смотрите на меня, профессор?" - пробормотал он.

Профессор Квестус отступил назад, но не перестал смотреть. "Потому что ты болен, и я ухаживал за тобой. Очевидно. Как вы себя чувствуете? И без язвительных комментариев на этот раз, пожалуйста".

"Язвительных комментариев?" Ремус не мог припомнить ни одного язвительного замечания. Ну... не в последнее время, во всяком случае. "Я в порядке".

Квестус нахмурился. "Что последнее ты помнишь?"

Ремус сморщил нос и задумался, насколько смог. "О, поход на игру в квиддич с Джеймсом, Сириусом и Питером. Где мой шарф?" Он посмотрел вниз, но не увидел его. "Мой папа сделал его для меня! Где он? Я потерял его? В меня попал Бладжер или что-то в этом роде? Где мадам Помфри?".

О, мадам Помфри. Визжащая хижина. Слежка оборотней. Оказаться в Больничном крыле... ждать восхода луны... проснуться от Квестуса и его странного чувства юмора и услышать, что у мадам Помфри было тяжелое утро... вернуться в замок. "О. Это было несколько недель назад, не так ли, игра в квиддич? Теперь я вспомнил. Язвительный комментарий. Живу мечтой. Хорошо."

"Да, сегодня ты почти весь день был без сознания. Сейчас четыре часа дня. Полагаю, ты голоден; я сейчас принесу поесть".

"Что случилось со мной прошлой ночью?"

"Ну, ты превратился в зверя и нападал на себя всю ночь при свете полной луны".

Ремус закатил глаза. "Да, я знаю. Кто теперь делает язвительные замечания?"

"Я твой учитель, Люпин, а не твой друг. Немного уважения, пожалуйста".

Ремус слегка покраснел от этого. Он не хотел показаться неуважительным, но его речь всегда страдала в полнолуние. Кроме того, со стороны Квестуса было нечестно делать подобные замечания и ожидать, что Ремус не ответит взаимностью. А чего он ожидал? Ожидал ли он, что Ремус рассмеется или что-то в этом роде? Это было не очень смешно. "Простите. Мне жаль", - сказал Ремус. "Я имею в виду, насколько я ранен?"

"Твоя левая рука, прямо над локтем. Я не заметил, пока лечил тебя в Хижине. Все довольно плохо".

"И это все?"

"Очевидно, нет. Но это самое худшее. Я довольно хорош в исцелении, знаешь ли. Аврор и все такое".

Ремус задрал рукав, чтобы осмотреть свою руку, которая была перевязана гораздо туже, чем это делала мадам Помфри. "Мне нужно принимать какие-нибудь зелья?"

"Я дал тебе немного утром, а потом еще около полудня, пока ты был без сознания. Пока все в порядке".

"Хорошо", - сказал Ремус. "Мне жаль."

"Ты говоришь это весь день. За что именно ты просишь прощения?"

Ремус открыл рот, а затем закрыл его, чтобы подумать. Он думал, что это довольно очевидно, но не мог выразить это словами. "Просто... вам приходится идти на большие трудности, чтобы удержать меня здесь. Вы, мадам Помфри, Дамблдор и все остальные. Я просто... стоит ли оно того? Ради одного студента? Я чувствую себя ужасно. Дело даже не в том, что я особенно одарен в магии. Не похоже, что я сделаю что-то примечательное или особенное в будущем. Возможно, все это напрасно. Так какой смысл мне здесь находиться, если я приношу больше проблем, чем пользы? Я чувствую, что должен извиниться перед всеми вами, вот и все".

Квестус выглядел немного ошеломленным. "Как долго ты об этом думал?"

"Я не думал об этом. Просто знал это".

"Хм", - сказал Квестус. Он сел в кресло напротив кровати Ремуса и потерев усы, очевидно, крепко задумавшись. "Что ж. Ты прав, в будущем ты, вероятно, многого не добьешься. Ты одарен - нет, не перебивай меня. Ты весьма одарен, но не самый одаренный волшебник твоего возраста, которого я когда-либо видел. Ты даже неходишь в пятнадцать лучших. И с тобой много хлопот - Филч заменяет сегодня вечером мой двойной урок Защиты на четвертом курсе".

"Филч?!"

"Да. Я задал задания по чтению учебника и написанию статей; все, что он должен сделать, это следить за ними. Никакой квалификации не требуется. Но это явно не идеальный вариант, и это в большей или меньшей степени твоя вина. Но это, как я уже говорил. Ты должен использовать каждую возможность, которая появляется на твоем пути, поскольку у тебя их будет немного. И я осмелюсь предположить, что некоторым профессорам здесь нравится ваша компания, и они будут огорчены твоим уходом на седьмом курсе, эти сентиментальные идиоты".

То, что Квестус считал сентиментальных людей глупыми, имело смысл: Ремус не мог представить, чтобы Квестус выражал какие-либо эмоции, кроме презрения, разочарования, сухого веселья и безразличия.

"Вы правда думаете, что я доучусь до седьмого курса?" спросил Ремус. Он никогда не позволял себе даже надеяться на это, не более чем на несколько секунд. Но если Квестус так думает...

"Ты думаешь, что умрешь или что-то в этом роде?"

"Нет, я думаю, что кто-то узнает обо мне, и мне придется уйти".

"О. Ну, кто-то все равно узнает о тебе. Это неизбежно", - сказал Квестус, фактически уничтожив все надежды Ремуса. "Но Дамблдор мог уговорить кого угодно на что угодно, и я обнаружил, что у меня тоже часто есть такой талант. Но... ты прав. Все может случиться. Семь лет - большой срок. Секретность важна, и неразумно оставаться, когда об этом знает больше пары человек. К тому же, конечно, это было бы очень неудобно. Так что, полагаю, все зависит от твоего желания остаться, зная, что еще один студент знает о твоей ликантропии...".

Ремус медленно кивнул. "Вы делаете это специально?"

"Что делаю?"

"Вы используете одну и ту же схему каждый раз, когда разговариваете со мной. Сначала вы говорите что-то резкое и бестактное, а потом - что-то приятное. Потом иногда заканчиваете снова чем-то грубым".

Квестус насмешливо хмыкнул. "Я не любезен. Я объективен".

"Это еще одна манипуляция Слизеринца? Потому что это работает довольно хорошо. Я верю вам каждый раз, когда вы так со мной разговариваете".

"Позволь мне прояснить ситуацию, Люпин", - сказал Квестус, говоря очень медленно, как будто Ремус был очень глуп. "Ты думаешь, что я манипулирую тобой, признаешь этот факт, а потом позволяешь собой манипулировать? В каком мире это хорошее решение?"

"Я не думаю, что вы делаете это специально, сэр", - сказал Ремус, покачав головой. "Я просто думаю, что это дает наилучшие результаты, поэтому вы подсознательно продолжаете это делать. Я не думаю, что вы лжете; я просто думаю, что это эффективный способ сформулировать предложение".

Квестус моргнул. "Ты очень умный".

"Спасибо." По правде говоря, Ремусу было все равно, манипулируют ли им. Compliments от Квестуса, он знал, должны быть правдивыми, поэтому каждый раз, когда он получал такой комплимент, он просто светился изнутри. Вроде того. Иногда они заставляли его чувствовать себя ужасно.

Вдруг Ремус услышал, как мадам Помфри зовет Квестуса из другого конца комнаты, но ее запах полностью отсутствовал. Это было неестественно. "Мадам Помфри!" - воскликнул он. "Я слышу ее. Но как она... ее здесь нет, где она...".

"Камин", - просто ответил Квестус, подойдя к камину. "Помфри, все в порядке".

"Пожалуйста, скажите мне, что он очнулся", - раздался обеспокоенный голос мадам Помфри. "Люди не должны быть без сознания так долго. Я вернусь, как только смогу..." Мадам Помфри звучала так панически, как Ремус ее никогда не слышал. Обычно она была такой спокойной, но сейчас в ее голосе звучал страх. Ремус вдруг почувствовал себя очень виноватым. Почему он не мог просто не спать?

"Успокойся", - огрызнулся Квестус. "Он не спит. С ним все в порядке. И он подслушивает наш разговор. Очень грубо, хочу заметить". Квестус повернулся, чтобы посмотреть на Ремуса, который чувствовал себя еще более виноватым и, вероятно, выглядел очень удивленным. "Я шучу, Люпин, не смотри на меня так. Он в порядке, Помфри. Люпин, скажи Помфри, что ты в порядке".

"Я... не могу", - извиняюще сказал Ремус. "Мадам Помфри сердится на меня, когда я так говорю".

Квестус снова повернулся к Помфри. "Сомневаюсь, что вы могли слышать это через камин, но он говорит, что ваша странная привычка цензурировать его описательные слова не позволяет ему говорить правду".

Мадам Помфри издала странный звук, похожий на удушье. "Верно. Да. Думаю, я могу сделать исключение, только на этот раз".

"Я в порядке", - сказал Ремус. "Абсолютно в порядке. Мне совсем не больно".

"Видишь, Помфри? Он в порядке; он только что сказал мне об этом. Оставайтесь там столько, сколько нужно".

"И ты не бредишь, Ремус?" - позвала мадам Помфри. Ремус не был уверен, что ему нравится, когда мадам Помфри называет его по имени. Обычно это означало, что она его жалеет.

"Я так не думаю", - сказал он.

"Он что-то бормотал раньше о вилках и мыле", - поправил Квестус. "Но я думаю, что теперь с ним все в порядке".

Ремус немного наклонился в сторону, чтобы видеть лицо мадам Помфри в свете огня. Ее брови были нахмурены. "Да, вчера он упоминал что-то о пушках", - сказала она. "Ты помнишь это, Ремус?"

Ремус улыбнулся, немного смутившись. "Вообще-то, да. Я не бредил, просто в тот момент у меня я особо не фильтровал речь. Пушки слева от них, пушки справа от них, пушки позади них, залп и гром...?"

"Да, именно так", - сказала мадам Помфри, выглядя немного удивленной. "Но с какой стати вы болтали о пушках?"

"Это Теннисон. Поэма".

"А что тогда было про вилы и мыло?" - спросил Квестус, выглядя весьма забавно.

"Наверное, "Охота на Снарка". Льюис Кэрролл. Я не знаю всего произведения; оно довольно длинное. Но есть несколько частей, которые я знаю довольно хорошо".

"Так... почему...?"

"В детстве я часто сидел дома", - объяснил Ремус. "Нужно было чем-то себя развлекать, а ритм стихотворений меня успокаивал".

"Ты," сказал Квестус, "самый странный оборотень, которого я когда-либо встречал."

"Еда, Джон. Принеси ему еды", - приказала мадам Помфри.

Квестус закатил глаза. "Уже принес. За кого ты меня принимаешь? На твоём прикроватном столике лежит немного тостов, Люпин. Но ты уже знаешь об этом, да? Усиленные чувства и все такое".

"Мне очень жаль, что я не смогла быть здесь сегодня, Ремус", - продолжала мадам Помфри. "Мне пришлось отвести девочку в Больничное крыло; она была сильно отравлена плохо сделанным зельем. Я не могу оставить ее здесь одну, и ее родители тоже не могут прийти... Целители думают оставить ее на ночь для наблюдения. Мне очень жаль; я не думала, что это займет так много времени..."

"Все в порядке", - сказал Ремус, откусывая кусочек тоста. "Я в порядке. Оставайтесь там, сколько понадобится".

"Он говорит, что с ним все в порядке", - сказал Квестус.

Ремус на секунду задумался, почему мадам Помфри не слышит его из пламени - ведь он прекрасно слышал ее, - но потом понял, что он оборотень со сверхчеловеческим слухом. Эта мысль подействовала на него пагубным образом, и это заставило Ремуса почувствовать себя еще более неловко, чем он уже был... но это было не более неловко, чем быть пойманным за декламацией рифмованной чепухи в двух разных случаях.

"Что это с вами двумя?" - спросила мадам Помфри, звучавшая весьма раздраженно. "Каждое второе слово, которое я слышу из ваших уст, это что-то вроде "хорошо", "хорошо" или "отлично". Неужели вы оба совершенно неспособны использовать другие эпитеты?" Она покачала головой. "Тогда развлекайтесь. И Джон, не забудь..."

Квестус закатил глаза. "Убедиться, что он ест? Сменить повязку на его руке сегодня вечером? Дать ему еще одно Кровоостанавливающее зелье до восьми вечера? Да, я знаю, ты спамишь мне каждый час. Не забывай, что я..."

"...аврор, который знает целительную магию почти так же хорошо, как и я. Я знаю. Я не согласен, но я знаю, что ты так думаешь. Джон, не забудь дать ему воды".

"Хорошо. А после этого я дам ему лакомство и выведу на прогулку. Он не собака, Помфри".

Ремус вздрогнул. Это было слишком близко к сердцу. "Я могу сделать это сам; я знаю заклинание, вызывающее воду", - сказал он.

"Он сказал, что может сделать это сам", - сказал Квестус.

Мадам Помфри вздохнула. "Я знаю, что ты можешь сделать это заклинание, Ремус. Я видела, как ты тренируешься, и это очень впечатляет", - сказала она. "Но никакой магии. Ты слышишь, Джон? Никакой магии, Ремус. Не при таком напряжении, которое ты испытываешь".

"Что? Это совсем нечестно!" - закричал Ремус.

"Он говорит, что это нечестно", - сказал Квестус.

"Вы меня слышали", - сказала мадам Помфри. "Вам строго приказано отдыхать. И никакого чтения..."

"Почему?!"

"...потому что я не знаю, какие травмы вы получили прошлой ночью, и я не хочу рисковать, если это магическая травма головы - что кажется вероятным".

"Я полагаю, что мозг человека, полностью реформирующийся менее чем за минуту, может сделать некоторые странные вещи с когнитивными функциями", - размышлял Квестус. "Не говоря уже о том, что твоя голова сегодня сильно кровоточила. Ты бы видела это, Помфри. Совершенно жуткая сцена. Не знала, что оборотни могут делать все это с собой в изоляции..."

"Хватит говорить о таких вещах", - очень резко (и немного плаксиво, если Ремус не ошибается) сказала мадам Помфри. "Вы беспокоите меня, и вы будете беспокоить Ремуса тоже..."

Но Ремус не беспокоился. Его все еще беспокоил тот факт, что ему не разрешали читать. Как бы он выжил? "Что же мне тогда делать?" - спросил он. "Я не могу просто... сидеть здесь часами напролет! Мадам Помфри..."

"Ты ведешь себя по-детски", - вмешался Квестус. Ремус почувствовал, как его лицо стало горячим.

"Мне жаль", - сказал он. И правда... но все равно! Ни чтение, ни магия не оставили Ремусу абсолютно ничего. Он должен был просто вздремнуть или что-то в этом роде? Он не мог дремать так долго!

Квестус снова закатил глаза, а затем повернулся к Помфри. "Было бы неплохо, если бы ты могла закончить, Помфри. У меня есть работа, если вы забыли".

Мадам Помфри издала неохотный звук согласия. "Увидимся с вами обоими... скорее всего, завтра", - сказала она. "И не надо..."

"Если он умрет", - закончил Квестус.

"Переусердствовать", - пробормотал Ремус.

"Забыть дать ему воды", - сказал Квестус.

"Читать или заниматься магией", - сказал Ремус.

"Хоть как-то развлекаться", - сказал Квестус. Ремус немного посмеялся над этим, а Квестус слегка подмигнул. Это было удивительно.

"О, будьте серьезны". Брови мадам Помфри все еще были озабоченно нахмурены. "Поправляйтесь скорее", - добавила она, прежде чем исчезнуть из пламени.

Как только она ушла, Ремус снова опустился на подушку и тяжело вздохнул. Квестус не обратил внимания на его боль.

Он постукивал пальцами по простыням.

Он делал глубокие, очищающие вдохи.

Он смотрел на часы на стене.

Он слушал, как они тикают.

Ему было скучно.

"Тогда, наверное, я просто пойду спать?" сказал Ремус, фактически нарушив неловкое молчание. "Раз уж больше нечем заняться".

Квестус сел и открыл экземпляр "Ежедневного пророка". "Доедай свой тост".

"Хорошо". Ремус скорбно проглотил свой тост. Сегодняшний день будет ужасным. Он чувствовал себя ужасно. Его голова была похожа на гигантского кальмара. Руки словно кто-то отрубил топором, вынул кости, а затем бессистемно пришил их обратно, после чего засунул в лед до онемения. Запястья было трудно двигать, и он не мог сжать кулак. Сильной боли не было, благодаря зельям, но чувствовал он себя в целом мерзко.

Он доел свой тост и медленно выпил воду, стараясь не расплескать ее через онемевшие губы. "Что, если в Больничное крыло войдет кто-то еще?" - спросил он Квестуса. Ему было все равно, беспокоит ли он Квестуса: Ремусу было скучно, а тишина была оглушительной.

"Кто-то приходил", - сказал Квестус, лениво перелистывая страницу газеты. "Девушка, которая превратила оба уха в лапшу. Я ей помог. Потом был мальчик, который упал с метлы. Ему тоже не потребовалось много усилий, чтобы помочь".

"Хотел бы я посмотреть на их лица, когда они увидели, что вы заменяете мадам Помфри", - сказал Ремус под вздохом, а Квестус фыркнул.

"Да, это было довольно забавно. Девочка спросила меня, не собираюсь ли я начать носить ее фартук. Я чуть не заколдовал ее за этот маленький комментарий".

Ремус немного посмеялся. Затем он вдруг вспомнил кое-что. "Профессор... вы не знаете, где Буфо?" - спросил он. Буфо обычно был там, когда Ремус приходил в кабинет мадам Помфри после каждого полнолуния, но сейчас его не было. Ремус вообще не видел его в то утро. Буфо был единственным другом Ремуса до того, как Ремус приехал в Хогвартс (помимо родителей), а теперь Ремус потерял его! Он был таким безответственным.

"Эта жаба?" - сказал Квестус. Его голос звучал забавно, что совсем не подходило для этой

Очень Серьезной Ситуации. "Нет. Заметил, что его не было раньше".

"Что? Вы не искали его?"

Квестус поднял глаза от своей газеты и бросил на Ремуса мрачный взгляд. "Ну, я был немного озабочен".

"А что, если он ранен?" Ремус чувствовал себя ужасно. "Он был под моей ответственностью; я не должен был позволить ему уйти".

"О, замолчи", - сказал Квестус, удивив Ремуса свирепостью своего тона. "Это начинает раздражать. Ты истекал кровью и был без сознания. Я не очень хорошо представляю, что еще ты мог сделать. Твоя жаба вернется, вероятно. Жабы все время убегают; обычно они оказываются в Черном озере с другими жабами. И ему там гораздо лучше, чем скакать по маленькой комнате с раненым оборотнем. Успокойся".

Ремус откинулся назад и закрыл глаза. Возможно, он мог бы услышать дыхание Буфо, если бы был достаточно спокоен. Ничего. Он вдохнул пару раз, надеясь уловить запах жабы. Ничего. Не было ни малейшего кваканья. Не было довольного кваканья. Не было слабых, неторопливых прыжков. Был только звук биения его собственного сердца... Квестуса... звуки дыхания двух людей... часы... но никакой жабы.

Через несколько мгновений Ремус услышал, как Квестус резко вдохнул, словно собираясь заговорить. "Что ты сейчас делаешь, Люпин?"

"Пытаюсь его услышать. Не могли бы вы перестать дышать, профессор?"

"Вы просите меня умереть? Я не знал, что я вам так не нравлюсь".

"Нет, просто перестаньте дышать. На пару секунд".

Квестус повиновался, и Ремус прислушался. Он слышал студентов в коридоре. Он слышал какую-то суету из Большого зала - вероятно, там уже ужидали. Но он не слышал дыхания маленькой амфибии. Он открыл глаза. "Я не знаю, где он!"

"Успокойся, я сказал!" - сказал Квестус. "Если твоя жаба действительно ушла навсегда, то беспокойство не поможет. Не поможет и твое физическое состояние".

Ремус вздохнул. Вдох через нос. Выдох через рот. Он пытался расслабиться.

Неловкая тишина.

"Как себя чувствует рука?" - неловко спросил Квестус.

"Прекрасно", - ответил Ремус. "Вы не могли бы... разве она не запечатана Диттани?"

"Не полностью. Не успел вовремя. Большая часть повреждений возникла до того, как я нанес серебро и Диттани. Если подумать, тебе, наверное, стоит переодеться в эту мантию. Я удалил большую часть крови, но мне будет трудно добраться до твоей руки. У тебя есть пижама в сумке?"

"Да, сэр."

"Хорошо. Я дам тебе переодеться". Квестус вышел из комнаты, очевидно, гораздо больше доверяя Ремусу в том, что он не упадет с кровати, чем мадам Помфри. Ремус был благодарен за это. Он и так был достаточно смущен.

Он как можно осторожнее стянул с себя мантию, стараясь не зацепиться ею за повязки. Брюки он надевал как можно осторожнее, избегая частично заживших царапин на ногах. Это было ужаснее, чем он видел за долгое время. На икре были следы от зубов, на бедре - глубокие рваные раны, а вдоль и поперек правой ноги - синяки. Он помнил, как бежал к стене, пытаясь разбить ее. Он помнил, как царапал передние и задние лапы, вгрызался во все, что мог, и чувствовал, как кровь стекает по ногам, попадает в рот, на пол и... Ремус вздрогнул. Он вспомнил свои тогдашние эмоции и даже обиделся на себя за них.

Он надел рубашку и начал пытаться застегнуть пуговицы. Это было очень трудно с онемевшими пальцами. Он возился с отверстием для пуговицы и почувствовал, что на глаза наворачиваются слезы. Он должен был все сделать правильно. Он не мог даже принести себе воды. Он должен был что-то сделать. Ради всего святого, он должен был сохранить хоть какое-то достоинство...

Он услышал, как Квестус стучит в дверь. "Уже закончил, Люпин?"

"Нет!" отозвался Ремус и продолжил застегивать пуговицу. Она не застегивалась. "Дурацкая пуговица, дурацкая ликантропия, дурацкое Больничное крыло, дурацкая Луна, дурацкие оборотни, дурацкая рубашка, дурацкий Хогвартс..."

"Я собираюсь зайти и помочь тебе с пуговицей, пока не появился в твоей "глупой" речи", - сухо сказал Квестус. Ремус вздрогнул; он и не подозревал, что его подслушали.

"В этом нет необходимости", - сказал он как можно вежливее, но Квестус все равно открыл дверь. "Сэр, я..."

"Позвольте мне помочь", - приказал Квестус, и Ремус отвернулся. Он не мог остановить слезы. Квестус опустился на колени рядом с его кроватью, чтобы помочь. "Перестань плакать. Это

всего лишь пуговицы".

"Вот именно! Это всего лишь пуговицы! А я даже этого не могу сделать! Я ничего не могу сделать! Что же мне делать?"

"Вот", - сказал Квестус, который уже застегнул почти все пуговицы. Ремус, несмотря на себя, позавидовал способности Квестуса застегивать пуговицы. "Я оставляю для тебя две верхние пуговицы расстегнутыми. Ты сможешь развлечься этим".

Ремус слегка рассмеялся. "Звучит заманчиво, профессор". Внезапно он вспомнил, что было видно сквозь свободно висящую рубашку, когда верхняя пуговица не была застегнута. Он подтянул левое плечо к шее и покраснел.

"Это первоначальный укус?" - спросил Квестус, все еще совершенно бестактный.

Ремус кивнул, не веря, что может говорить.

"Он очень близко к твоей шее, не так ли?"

"Правда? Я и не знал". Ремус закрыл рот рукой. "Простите, сэр".

Никакого Буфо. Никакой мадам Помфри. Никакой дремоты, так как он уже достаточно сделал сегодня. Никакого чтения. Никакой магии. Что он должен был делать? Ремус лег на спину и начал читать "Морж и плотник" в своей голове снова и снова. И снова. И снова.

Тот, кто сказал, что жизнь оборотня увлекательна, вероятно, ничего не знал.

<http://tl.rulate.ru/book/67209/1872199>